

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801.73=161.1

ВАРИАТИВНОСТЬ ДИКТУМНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА
В ПРОСТРАНСТВЕ АДРЕСАТА

Л. Г. Ким

Целью настоящей статьи является рассмотрение вариативности (качественного разнообразия) диктумного содержания речевого произведения (текста) в процессе его функционирования в пространстве адресата-интерпретатора. Иными словами, на обсуждение выносятся следующая проблема: является ли вариативность интерпретации смысловой организации текста естественным и закономерным проявлением его онтологических свойств, а значит, носит объективно неизбежный характер, или, напротив, следствием «неправильного» его истолкования адресатом-интерпретатором, т. е. обусловлена субъективно-личностными особенностями реципиента?

При осмыслении обозначенной проблемы мы опираемся на теорию интеракционной модели коммуникации в ее «адресатоцентристском» варианте, т. е. исходим из положения о том, что общение – это не одностороннее воздействие говорящего на слушающего, а коммуникативное взаимодействие двух субъектов [1]. Такая модель отвечает запросам современной коммуникативной лингвистики и позволяет адекватно описать процесс функционирования текста «в пространстве адресата».

Небольшой экскурс в историю развития «адресатоцентристской» концепции. Начиная с древнейших времен, философами признавались участие и роль адресата в коммуникативном процессе. Так, Аристотель, в своей знаменитой «Риторике», говорит о том, что «речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому он обращается и которое есть, собственно, конечная цель всего» [2: 14]. Здесь же Аристотель предлагает выделять три вида риторики, «потому что есть столько же родов слушателей» [2: 14]. Т. е. адресат (слушатель) понимается как лицо, включенное в коммуникативный процесс, в определенном смысле, детерминирующее и направляющее речевую деятельность говорящего, а также влияющее на характер речевой организации произведения.

Заметный вклад в разработку роли адресата внес М. М. Бахтин. Согласно его теории диалогичности текста, необходимым элементом устроенности каждого высказывания является концепция слушающего, она взаимосвязана с жанром высказывания, диктует форму высказывания как целого построения [3].

Современная наука о речевом воздействии, включающая риторику как науку об эффективной публичной речи, деловое общение как науку об эффективном общении для достижения предмет-

ной или информационной цели, рекламу как науку об эффективном продвижении товара на рынке и массовую коммуникацию как науку об эффективном воздействии на сознание массовой аудитории средствами СМИ, считает необходимым в предмет своего исследования включать фактор адресата, т. е. учитывать особенности той аудитории, на которую направлено речевое воздействие [4; 5]. В каждом акте речевого общения говорящий стремится достичь некоторой неречевой цели, которая сводится к регуляции деятельности собеседника, к воздействию на его сознание, к управлению его сознанием [6]. Согласно наблюдениям исследователей, успех воздействия через убеждение связан с моделированием смыслового поля реципиента.

Развивая данное направление в собственно лингвистическом аспекте, Н. Д. Арутюнова отмечает, что «неотделимость адресата от речевого произведения обусловлена тремя факторами:

- 1) связью адресата с перлокутивным эффектом;
- 2) игровым принципом речи, постоянно меняющим местами собеседников и создающим «инвертированного адресата»;
- 3) принадлежностью речевого акта к сфере межличностных отношений [7: 361-362].

При этом подчеркивается, что всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата [7: 358]. Н. Д. Арутюнова осуществила анализ речевых актов, жестко и нежестко ориентированных на адресата, наметила список ролей слушающего в разных по планируемому перлокутивному эффекту речевых актах: исполнитель, подпевала, жертва, контрагент, информатор и т. д.

Несмотря на различие описываемых подходов при рассмотрении роли адресата в коммуникативном процессе, их объединяет следующее: адресат оценивается как необходимый, но вторичный фациенс, включенный в речевой акт (текст), имплицитно / эксплицитно регулирующий или корректирующий речевое поведение говорящего и детерминирующий характер и структуру текстового построения. Концепция смоделированного в этих теориях адресата условно может быть названа «авторцентричной».

Принципиально иное отношение к роли адресата представлено в герменевтике – науке о постижении смысла, составными частями которой являются теории понимания, объяснения и интерпретации. Важным в герменевтике является положение о том, что текст есть «застывшая речь», объективированная вовне, следовательно, метод

исследования текстов должен быть диалогическим, предполагающим диалог между интерпретатором и текстом. Ф. Шлейермахер, В. Дильтей и другие классики герменевтического направления сформулировали и обосновали принципы герменевтического анализа: принцип зависимости понимания от знания внутренней и внешней жизни автора произведения; принцип конгенитальности (сотворчества) автора и интерпретатора; принцип «лучшего знания», заключающийся в том, что исследователь может знать текст и мир автора лучше, чем он сам [8].

Как отмечается в работах, посвященных истории герменевтики [8; 9; 10], уже в первых герменевтических построениях адресат оценивается как активный субъект ментально-производящей деятельности, целью которой является постижение «чужой индивидуальности», реконструкция «воли автора».

Противоположный взгляд на взаимоотношения автора и читателя и оценка их роли в процессе функционирования текста и его интерпретации адресатом представлен в эстетике эпического театра Б. Брехта с его теорией «очуждения» [11] и сформулирован в работах видных представителей французской семиотической школы. Так, в очерке с характерным заглавием «Смерть Автора» Р. Барт доказывает, что в современной ему литературе наметился процесс десакрализации образа автора, получивший мощную поддержку и теоретическое обоснование в лингвистике. Автор всего лишь тот, кто пишет. «Скриптор, пришедший на смену Автору, несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки...» [12: 388]. Устранение Автора делает напрасными всякие притязания на «расшифровку» смысла текста: смысл фокусируется не в письме, а в чтении. Тем самым Р. Барт, с нашей точки зрения довольно категорично, провозглашает главенствующую роль читателя в сохранении целостной сущности текста.

Современная герменевтика исходит из того, что подлинная герменевтическая проблема заключается в проникновении в смысл текста самого по себе, а не в реконструкции «воли автора». Характеризуя современный методологический стандарт герменевтики, В. Кузнецов подчеркивает, что «основным средством надления смыслом знаково-символических конструкций является интерпретация, которая представляет собой достаточно свободный творческий акт. Вследствие этого герменевтический методологический стандарт характеризуется терпимостью к множественности результатов интерпретации» [8: 36.].

Учитывая сказанное, можно утверждать, что в аспекте современных герменевтических идей деятельность адресата оценивается как ментально-производящий креативный процесс:

во-первых, обусловленный, знаково-символической структурой текста;

во-вторых, регулируемый контекстом (языковым и неязыковым) его функционирования;

в-третьих, определяемый уровнем знаний участников коммуникации, их намерениями и т. д.

Этот методологический подход, который мы называем «адресатоцентричным», реализовал себя в современной философской и юридической герменевтике, в литературоведческих теориях читателя [13], а также в лингвистических и психолингвистических исследованиях текста как объекта восприятия, понимания и интерпретации, [9; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

«Адресатоцентристская» направленность анализа текста соотносится с произошедшей в последние десятилетия сменой научной парадигмы: «ориентация не на порождение текста, в принципе невозможное без предварительной гипотезы о его глобальной структуре, а на его семантическую интерпретацию» [21: 196].

В основе развиваемой нами концепции лежит представление о коммуникативном процессе не только как о событии реализации авторской интенции, но и (что не менее важно) как о событии встречной мыслительной активности адресата, его семантизирующей реакции на получаемое речевое произведение, его ментально-производящей деятельности. Деятельность адресата – не механическое обратное действие декодирования замысла автора, не реконструкция его «воли», а креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста. В этой деятельности наличествует, по-видимому, и собственная интенциональность и соответственно источники энергетики. Очевидно, интенция адресата может быть проявленной в большей или меньшей степени: от молчаливой интуитивной рефлексии – интерпретативной «тишины» [17] – до осознаваемой и актуализируемой, вплоть до гносеологической, лингвистически сформулированной.

Следует подчеркнуть, что при этом мы не исключаем и «автороцентричности» интерпретации, т. е. порождение-интерпретацию текста с позиции автора, который выделяет фрагмент действительности, наблюдает его, акцентирует опорные узлы фрейма, ставя их в коммуникативный фокус, придавая ту или иную модальность, осуществляет отбор языковых средств и контроль за ходом и восприятием высказывания (текста). Признавая, таким образом, авторскую интерпретацию текста, мы, однако, рассматриваем ее не как единственно возможную и, следовательно, «правильную», а как одну из предлагаемых, имеющую такие же права, что и интерпретация читателя.

Все сказанное позволяет утверждать, что вариативность интерпретации одного и того же текста разными адресатами или одним адресатом в разных ситуациях (контекстах) есть неизбежность и целесообразная необходимость, обусловленная стремлением адресата-интерпретатора к реализации своей цели – извлечь информацию, вписывая интерпретируемый текст в существующий кон-

текст (ситуацию) и используя при этом привычные интерпретационные схемы (подробнее см. об этом в [22]).

Изложенная теоретическая концепция предполагает ее конкретно-исследовательскую реализацию и верификацию на языковом материале. С целью доказательства положения о том, что диктум (объективное смысловое содержание) текста имеет множество вариантов интерпретации, мы используем метод лингвистического эксперимента.

Материалом для эксперимента послужил довольно известный текст-ярлык, размещенный внутри лифта, содержащий информацию о технико-эксплуатационных параметрах этого подъемного механизма и предписывающий правила пользования им:

ЛИФТ ПАССАЖИРСКИЙ

2/п 500 кг, 6 человек

Испытуемым (ими были студенты 3 курса факультета филологии и журналистики КемГУ – всего 70 человек) был предъявлен в письменной форме текст «*Лифт пассажирский...*» и предложено ответить на вопросы: *Могут ли, не нарушая правила, в лифте подниматься: а) человек с собакой; б) человек со шкафом?*

Система и характер вопросов нацелены на стимулирование и активизацию рецептивно-интерпретационной деятельности адресатов по актуализации отдельных элементов текста и экспликации объективного, в том числе имплицитно представленного, содержания предложенного текста, осуществленного посредством выведения имплицитур дискурса – компонентов содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» слушающим в контексте речевого акта [23]. В когнитивно-логическом аспекте реакция адресата (ответ) есть формулирование логического следствия, т. е. установление отношений импликации между предложенным (исходным) высказыванием и самостоятельно сделанным выводом. В языковом аспекте такая реакция есть реализация одного из видов речевой деятельности – метатекстовой, осуществленная в форме метатекста.

Согласно положениям герменевтики, одно и то же языковое выражение может получить различную интерпретацию. А это означает, с нашей точки зрения, что одно и то же высказывание (текст) в процессе его интерпретационного функционирования в пространстве адресата имеет множество следствий, содержание которых может существенно образом отличаться друг от друга. Высказывание-импликация как форма интерпретации содержания исходного текста отражает процесс ментально-семантизирующей деятельности как по модели «элемент исходного текста – имплицатура (скрытые смыслы) – смысл исходного текста», так и по модели «ситуация – контекст – текст».

Согласно теории семантического представления предложения, значение исходного предложения включает в себя значение предложения, являющегося его следствием. Значит, смысловое

разнообразие предложений-следствий (импликаций) есть доказательство того, что исходное предложение содержит потенциал многозначности его диктумного содержания.

Результат эксперимента показал следующее: несмотря на то, что данный текст объективно обладает невысоким потенциалом его множественной интерпретации (наличие конкретно-предметной лексики, слов, характеризующихся прозрачной внутренней формой, количественных числительных), но при его субъективном восприятии реализуется «веером» метатекстов-импликаций, содержание которых не соответствует друг другу. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что исходный текст, попадая в пространство адресата (коммуникативно-прагматическое осмысление) реализует свой полиинтерпретационный потенциал.

Рассмотрим результаты эксперимента. На вопросы: *Могут ли в лифте подниматься: а) человек с собакой; б) человек со шкафом?* – получены следующие ответы, являющиеся предложениями-импликациями, соответствующие трем основным логическим моделям:

1) «Лифт предназначен для подъема/спуска людей и разнообразных предметов, включая животных, мебель и др.» (47 ответов – 67 %).

2) «Лифт предназначен для подъема/спуска людей и домашних животных, но не предназначен для перевозки груза» (15 ответов – 21 %).

3) «Лифт предназначен для подъема/спуска людей, но не предназначен для перевозки животных и груза» (8 ответов 12 %).

Первой модели (*Да – да, при условии*) соответствуют следующие ответы-импликации: *Да. Главное, чтобы вес не превышал 500 кг. В противном случае это опасно для жизни (лифт может не выдержать); Да, если вес человека и шкафа не превышает 500 кг. Больше обозначенного веса подъем лифтом не предположен; В принципе в лифт могут зайти все, лишь бы оговоренную грузоподъемность лифта не превышать; Да, человек с собакой могут, так как их масса менее 500 кг, человек со шкафом должен знать вес шкафа, чтобы не более 500 кг; Человек с собакой и со шкафом могут. Важный критерий – грузоподъемность. Остальное не важно; Собака весит не больше человека, не подниматься же ей одной по лестнице; Да, т. к. о том, что перевозить собаку нельзя, ничего не сказано. Да, т. к. не сказано, что нельзя перевозить мебель; <Собака> может, т. к. главное не то, что лифт для людей, а то, чтобы не было перегрузки. <Человек со шкафом> тоже может, если шкаф не тяжелее 500 кг.*

Второй модели (*Да – нет*) соответствуют следующие высказывания: *<Человек с собакой> да, т. к. собака тоже пассажир. <Человек со шкафом> нет. Шкаф – это груз, но пассажиром не является; <Человек с собакой> да, он один и вместе с собакой не будет весить 500 кг. <Человек со шкафом> нет; <Человек с собакой> да, т. к. выполняется условие перевозки. <Со шкафом> нет,*

т. к. лифт предназначен для перевозки людей; <С собакой> да. <Со шкафом>. Сколько весит шкаф? Нет, он не влезет, шкаф в грузовом лифте; С собакой можно ездить всегда, но, не пугая пассажиров. А шкаф все-таки безопаснее тащить по лестнице; Человек с собакой могут. Собака – друг человека. Раз человеку можно, то и человеку с собакой тоже. <Человек со шкафом> это нарушение, т. к. лифт все-таки пассажирский, но у нас на это все равно никто не смотрит, так что можно ехать.

Третьей модели (*Нет – нет*) соответствуют такие высказывания: *В надписи не указано, что можно провозить животных. В надписи не указано о перевозе предметов; С собакой и со шкафом нельзя, т. к. это пассажирский лифт; <С собакой и со шкафом> скорее, нет, т. к. лифт предназначен для перевозки людей; Человек с собакой может вызвать дискомфорт. Ему нельзя подниматься. Человек со шкафом нарушает правила, используя лифт не по назначению; Человеку с собакой нельзя, т. к. собака может напакостить в лифте.*

Таким образом, один и тот же текст в процессе его функционирования в пространстве адресата может реализовать несколько, в том числе противоречивых относительно друг друга, смыслов. Множественность смыслов текста находит воплощение в высказываниях-импликациях, т. е. в высказываниях, представляющих собой логическое следствие исходного выражения. Множественность импликаций обусловлена рядом факторов как объективного, так и субъективного характера.

Во-первых, такое свойство языкового знака, как стихийность и произвольность, с одной стороны, и условность и конвенциональность, с другой, предопределяют возможность его «мягкой» семантизации и неточной референциальной соотносительности. В условиях нашего эксперимента лексема *пассажирский* семантизируется двояким образом: «предназначенный для перевозки людей» (*С собакой и со шкафом нельзя, т. к. лифт пассажирский*) и «предназначенный для перевозки людей с животными» (*<С собакой> да, т. к. собака тоже пассажир*).

Во-вторых, свойство структурированности текста предопределяет возможность выбора реципиентом одних элементов текстового пространства и нейтрализации (редукции) других в процессе его восприятия, актуализации и интерпретации. Так, при выведении смысла текста участниками эксперимента в одних случаях актуализировался элемент *500 кг* (*Человек с собакой могут подниматься в лифте, их общий вес меньше 500 кг. Так же дело обстоит и с человеком со шкафом, т. к. вес человека плюс вес шкафа меньше 500 кг*), в других – элемент *человек* (*<С собакой и со шкафом> нет, т. к. лифт предназначен для перевозки людей*), а в третьих – элемент *пассажирский* (*С собакой и со шкафом нельзя, т. к. это пассажирский лифт*).

В-третьих, свойство имплицитности текста предполагает наличие в его смысловой структуре «скрытых смыслов» (имплицатур), выводимых ад-

ресатом. Процедура выводимости не имеет жестких правил и предполагает вариативность логико-смысловых моделей, а следовательно, и вариативность смыслового вывода. Например, *<С собакой> да, т. к. о том, что перевозить собаку нельзя, ничего не сказано. <Со шкафом> да, т. к. не сказано, что нельзя перевозить мебель; <С собакой> нет. В надписи не указано, что можно провозить животных. <Со шкафом> нет. В надписи не указано о перевозе предметов.*

В-четвертых, лингвоперсонологический фактор, т. е. склонность языковой личности к применению тех или иных лингвокогнитивных моделей при интерпретации текста, также определяет вариативность семантизирующего результата. Так, можно говорить о двух основных типах интерпретаторов: *элементаристы, буквалисты и холисты, прагматики*. В первом случае языковое поведение интерпретаторов соответствует схеме: «элемент – целое», или «слово – высказывание – текст», т. е. смысл целого (текста) складывается из смысла составляющих его элементов (отдельных высказываний, лексем, внутренней формы слов). Причем часто наблюдается гипертрофированное восприятие формы отдельного элемента, в том числе внутренней формы слова, влияющее на характер выводимости смысла целого. Например, *<Со шкафом> да, если шкаф не превышает вес 5 человек, т. к. грузоподъемность лифта не должна превышать 500 кг; Человек с собакой могут, т. к. их масса менее 500 кг, человек со шкафом должен знать вес шкафа, чтобы не более 500 кг; <Человек со шкафом> да, если в лифте меньше 6 человек и примерный вес каждого человека должен не превышать 83 кг; <Человек со шкафом> нет, т. к. лифт предназначен только для перевозки людей, но не груза.*

Во втором случае смысл текста определяется исходя из знания реципиентом ситуации в целом, актуализации им контекста, как горизонтального, текстового, так и вертикального, т. е. жизненного опыта, своих представлений о сущем и должном. Т. е. срабатывает следующая логико-смысловая модель интерпретации текста: «ситуация – контекст – текст». Например, *<Человеку с собакой> можно, <человеку со шкафом> да, если шкаф не сильно тяжелый; <человек с собакой> а почему, собственно, нет? <человек со шкафом>, если шкаф небольшой, то да; <С собакой> да, если собака в наморднике; Человек с собакой может вызвать дискомфорт. Ему нельзя подниматься; В лифте может ехать столько человек, сколько туда помещается. То же самое касается провоза в лифте посторонних предметов.*

Таким образом, множественность и вариативность интерпретации текста есть закономерная неизбежность и целесообразная необходимость, обусловленные как проявлением его онтологических свойств, так и определяемые характером встречной креативной деятельности адресата-интерпретатора.

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. - М., 2006.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. - М., 2000.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. - Омск, 1999.
5. Стернин, И. А. Фактор адресата в речевом воздействии / И. А. Стернин // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». - 2004. - № 1. - С. 171 - 176.
6. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. - М., 1990.
7. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». - 1981. - Т. 40. - № 4. - С. 356 - 367.
8. Кузнецов, В. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления / В. Кузнецов // Логос. - 1999. - № 10.
9. Колодина, Н. И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста / Н. И. Колодина. - Тамбов, 2001.
10. Камчатное, А. М. Лингвистическая герменевтика / А. М. Камчатнов. - М., 1995.
11. Брехт, Б. Театр / Б. Брехт. - М., 1965. - Т. 5.
12. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1994. - С. 384 - 391.
13. Фуксон, Л. Ю. Чтение / Л. Ю. Фуксон. ~ Кемерово, 2007.
14. Богин, Г. И. Типология понимания текста / Г. И. Богин. - Калинин, 1986.
15. Долинин, К. А. Интерпретация текста: французский язык / К. А. Долинин. - М., 2005.
16. Залевская, А. А. Текст и его понимание / А. А. Залевская. - Тверь, 2001.
17. Марова, Н. Д. Парадигмы интерпретации текста / Н. Д. Марова- Екатеринбург, 2006. - Ч. 1,2.
18. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. - Свердловск, 1991.
19. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: АДД / Т. В. Чернышова. - Барнаул, 2005.
20. Шехтман, Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст / Н. А. Шехтман. - Оренбург, 2005.
21. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. - М., 1996.
22. Голев, Н. Д. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Филологические науки. - 2007, - № 4. - С. 80-88.
23. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16.-М., 1985.